

Знаменское- Раёк

Наследники Арбата. Книга пятая

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская
Знаменское-Раёк

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Знаменское-Раёк / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Андреа Князева-Ларина — наследница великой династии. Её прабабушка Марьяна когда-то нашла первый тайник Хранителей в Москве. Теперь Андреа, лучшая выпускница Академии, продолжает семейное дело. В старинной усадьбе Знаменское-Раёк она находит древнюю летопись тверского отделения Братства, а в ней — неожиданную запись, оставленную её предком за месяц до гибели. Эта находка запускает цепь событий, которая приведёт Андреа и её жениха Максима из Тосканы в Пекин, из Дели в Гоа, из Бразилии в Аргентину. Глобальная карта Братства, скрытые архивы, новые тайники на четырёх континентах — и новое поколение Хранителей, готовое продолжить путь. Это история о наследии, которое не выбирают, но которому служат. О любви, которая сильнее расстояний. О семье, собранной из осколков. И о корабле, который продолжает плыть.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Находка	8
Глава 2. Максим	11
Глава 3. Летопись	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Знаменское-Раёк

Пролог

Тверская область, усадьба Знаменское-Раёк
Июль, раннее утро

Солнце только поднялось над холмами, и его лучи, пробиваясь сквозь кроны старых лип, рисовали на траве длинные золотые дорожки. Усадьба Знаменское-Раёк стояла в этом свете, как корабль, выброшенный на берег времени — прекрасный и величественный, но всё ещё хранящий следы разрушений. Главный дом с колоннадой и куполом, два флигеля, соединённых галереями, церковь с полуобрушенной колокольной, старый парк, спускающийся к пруду. Здесь кипела работа: строительные леса оплетали фасад, рабочие в касках сновали между корпусами, студенты Академии Хранителей, проходящие здесь летнюю практику, снимали замеры и делали обмеры. Реставрация, начатая больше десяти лет назад, входила в завершающую стадию.

Андреа Князева-Ларина стояла на ступенях главного входа и смотрела на всё это. Ей было двадцать три, и она только что закончила Академию с красным дипломом. Высокая, с тёмными волосами, заплетёнными в длинную косу, и серыми глазами, доставшимися от отца. В свои двадцать три она уже успела поработать на трёх крупных объектах — в Москве, Ярославле и Архангельске — и теперь её, как лучшую выпускницу курса, направили руководить полевым сезоном в Знаменском-Райке. Это была большая честь. И большая ответственность.

— Андреа! — окликнули её.

Она обернулась. К ней шёл молодой человек — высокий, светловолосый, с планшетом в руке и улыбкой, которая казалась слишком жизнерадостной для раннего утра.

— Привет, Максим, — ответила она. — Ты чего так рано?

— Я всегда рано. — Он подошёл ближе. — Слушай, я вчера просматривал старые чертежи. Там, в архивном отделе академии. И нашёл кое-что интересное.

— Что именно?

— План подземного хода. Не того, что мы уже раскопали. Другого. Он ведёт от церкви к дальнему флигелю. На картах его нет, но в описи Братства за 1825 год он упоминается. Я подумал, тебе будет интересно.

Андреа взяла планшет и пробежала глазами по документу.

— Ты проверил?

— Ещё нет. Хотел сначала с тобой посоветоваться.

— Тогда идём. — Она улыбнулась. — Показывай.

Они пошли через парк к церкви. Утро было тихим и ясным, и где-то в кронах старых лип пели птицы. Максим шёл чуть впереди, показывая дорогу, и Андреа, глядя на его широкую спину и растрёпанные ветром волосы, вдруг поймала себя на мысли, что он ей нравится. Не как коллега. Как мужчина.

— О чём задумалась? — спросил он, оборачиваясь.

— О работе, — ответила она, надеясь, что не покраснела. — О том, что мы, кажется, снова нашли то, чего не должны были найти.

— Это же наша специальность. Находить то, чего не должны.

— Да. Семейная черта.

Они подошли к церкви. Старое здание, построенное в конце XVIII века, было уже частично отреставрировано: стены укрепили, кровлю заменили, фрески расчистили. Но подвал всё ещё оставался нетронутым — точнее, считался нетронутым. Максим нашёл в архиве указание на то, что здесь был ещё один уровень, скрытый за фальш-стеной.

— Вот здесь, — он указал на участок кладки в дальнем углу подвала. — Судя по схеме, за этой стеной — лестница.

Андреа подошла ближе и провела рукой по кирпичам.

— Ты прав. Кладка свежее, чем остальная. Кто-то заложил проём.

— Будем вскрывать?

— Будем. Но сначала нужно сообщить маме. И бабушке Марьяне. Это их территория.

— Ты всегда сначала сообщаем старшим?

— А ты — нет?

Максим усмехнулся.

— Я — сирота. Мне некому сообщать.

Андреа посмотрела на него. Она знала его историю: родители погибли в автокатастрофе, когда ему было десять, он вырос в детском доме, потом поступил в Академию по гранту для одарённых детей. Он никогда не жаловался, но иногда в его глазах мелькало что-то такое, что заставляло её сердце сжиматься.

— У тебя есть мы, — сказала она. — Академия. Семья. Мы все — одна семья.

— Знаю. — Он улыбнулся. — Поэтому я и пришёл к тебе первой. Ты — моя семья.

Она не нашлась, что ответить. Просто кивнула и достала телефон.

— Я позвоню маме. А ты пока готовь инструменты.

— Есть, капитан.

Он отдал шутливое приветствие и пошёл к выходу. Андреа смотрела ему вслед и думала о том, как странно устроена жизнь. Она — наследница великой семьи, с детства знавшая, кто она и откуда. Он — человек, который всего добился сам. И всё же они стояли здесь, в старом подвале, на пороге нового открытия.

Её прабабушка Марьяна когда-то начинала так же. Её прапрадед Андрей Ларин — тоже. И вот теперь она, Андреа Князева-Ларина, продолжала их путь.

Она набрала номер.

— Мам? Привет. Мы тут с Максимом нашли кое-что. Подземный ход. В церкви. Кажется, нас ждёт ещё одно приключение.

Глава 1. Находка

Тверская область, усадьба Знаменское-Раёк, церковь

Тот же день, 10:00

Марьяна приехала через два часа после звонка. Она была в Москве, когда раздался телефон, — проводила совещание в Академии, обсуждала бюджет на следующий год, спорила с подрядчиками о сроках сдачи нового корпуса. Но когда Андреа сказала: «Мы нашли подземный ход», она отложила все дела и села в машину. Дмитрий, разумеется, поехал с ней. Он вообще старался не отпускать её одну на такие мероприятия — не потому, что не доверял её опыту, а потому, что за тридцать лет совместной жизни привык быть рядом. Особенно когда дело касалось тайн, подземелий и всего, что с этим связано.

Церковь встретила их прохладой и запахом старого камня. Внутри уже собралась небольшая группа: Андреа, Максим, двое студентов-практикантов и инженер из «Синего особняка», отвечавший за безопасность подземных работ. На стенах ещё сохранились фрагменты фресок — Богоматерь с младенцем, архангел Михаил, корабль с тремя мачтами. Последний был визитной карточкой Братства хранителей, и Марьяна, увидев его, улыбнулась краешком губ. Сколько раз она уже видела этот символ? Двадцать? Тридцать? Она сбилась со счёта.

— Показывайте, — сказала она, подходя к дальней стене подвала.

Андреа подвела её к участку кладки.

— Вот здесь. Максим нашёл упоминание в архиве. За этой стеной, судя по схеме, должна быть лестница. Мы проверили георадаром — пустота подтверждается. Глубина около четырёх метров.

Марьяна провела рукой по кирпичам. Почерк кладки был знакомым — такие же она видела в Куракинских, в Боткинских, в Архангельске, на Соловках. Братство использовало одни и те же техники, одни и те же материалы. Как будто один архитектор строил все тайники страны.

— Вскрывают, — сказала она. — Только осторожно. Если здесь то, о чём я думаю, мы должны сохранить всё в целости.

Рабочие принялись за дело. Кирпичи поддавались легко — раствор был старым, известковым, и за прошедшие столетия потерял прочность. Через час в стене образовался проём, достаточный, чтобы пройти человеку. За ним открылась лестница — узкая, каменная, уходящая вниз. Ступени были стёртыми, но целыми.

— Я пойду первая, — сказала Марьяна, беря фонарь.

— Мам, может, я? — Андреа шагнула вперёд.

— Ты — моя дочь. Ты пойдёшь за мной. — Марьяна улыбнулась. — Это семейная традиция. Ларины всегда идут первыми.

Она спустилась по лестнице — медленно, осторожно нащупывая ногой каждую ступень. Дмитрий шёл следом, держа фонарь так, чтобы освещать ей путь. За ним — Андреа и Максим. Студенты и инженер остались наверху — на случай, если понадобится помощь.

Лестница привела их в круглую комнату со сводчатым потолком. Стены были покрыты фресками — не потускневшими, не осыпавшимися, а яркими, словно их написали вчера. Библийские сцены, ангелы, святые. И в центре — каменный постамент, а на нём — ларец.

— Опять ларец, — усмехнулся Дмитрий. — У них была настоящая страсть к ларцам.

— Это традиция, — ответила Марьяна, подходя ближе. — Каждый ларец — как подпись. «Здесь были мы. Сохраните это».

Она осторожно подняла крышку. Внутри лежали документы — свитки, письма, карты. И книга. Толстая, в кожаном переплёте, с золотым обрезом. На обложке — герб, разделённый на три части: лев, лилия и колос. Символ Братства.

— Это летопись тверского отделения, — прошептала Марьяна. — Я читала о ней в норвежском архиве. Она считалась утраченной. А она здесь. Всё это время.

Она открыла книгу. Первая страница была исписана мелким, убористым почерком. Заголовок: «Летопись Братства хранителей. Тверское отделение. Основано в 1798 году».

— Это древнее, чем московское отделение, — сказала Андреа, заглядывая через плечо матери. — На целых сто лет старше.

— Да. Тверь была одним из первых центров Братства. Ещё до того, как Шереметевы и Боткины создали московскую ячейку. Здесь всё началось.

Она перевернула страницу. Дальше шли списки имён — десятки, сотни имён. Члены Братства за два столетия. Купцы, дворяне, священники, архитекторы, реставраторы. И в самом низу одной из страниц — знакомая фамилия.

— Ларин, — прочитала Марьяна. — Семён Ларин. Принят в 1801 году. Это мой предок. Тот самый, чью фотографию мы нашли в норвежском архиве.

— Значит, вы — потомственные Хранители, — сказал Максим. — В прямом смысле. По крови.

— Да. — Марьяна закрыла книгу. — И я хочу, чтобы эта летопись была передана в Академию. Пусть студенты изучают. Пусть знают, кто был до них.

Андреа взяла книгу и бережно убрала в рюкзак.

— Мы отвезём её в Москву. Тихомиров будет счастлив.

— Тихомирову уже за восемьдесят, — заметил Дмитрий. — Но он до сих пор работает. Говорит, что не может уйти на пенсию, пока мы находим что-то новое.

— Значит, не уйдёт никогда, — улыбнулась Марьяна. — Потому что мы всегда находим что-то новое.

Они поднялись на поверхность. Солнце уже стояло высоко, и его лучи заливали парк золотистым светом. Студенты, узнав о находке, зааплодировали. Инженер побежал звонить Вере — сообщить, что тверской архив Братства найден.

Марьяна отошла в сторону и села на скамью под старым дубом. Дмитрий сел рядом.

— О чём думаешь?

— О том, что всё повторяется. Тридцать лет назад я стояла в таком же подвале, в Куракинских, и нашла свой первый ларец. А теперь моя дочь находит свой.

— Это называется преемственность.

— Да. И мне это нравится.

Андреа и Максим стояли у входа в церковь, о чём-то оживлённо беседуя. Марьяна смотрела на них и думала о том, как быстро летит время. Казалось, только вчера она сама была такой же молодой, стояла рядом с Дмитрием в подземном ходе и не верила своему счастью. А теперь её дочь — взрослая женщина, талантливый реставратор, продолжательница семейного дела.

— Как думаешь, — спросила она Дмитрия, — они вместе?

— Андреа и Максим? — Он посмотрел на молодых людей. — Не знаю. Но похоже на то.

— Он хороший парень. Я его помню ещё студентом. Всегда был лучшим на курсе.

— Как и она.

— Да. Как и она.

Дмитрий взял её за руку.

— Ты волнуешься за неё?

— Как всегда. Но я знаю, что она справится. Она — Ларина.

— И Князева.

— И Князева, — согласилась Марьяна. — Лучшее из двух семей.

Они сидели на скамье под старым дубом, и солнце медленно клонилось к закату. Впереди были новые открытия, новые тайны, новые главы семейной летописи. Но сейчас, в этот момент, всё было просто. Мать и дочь. Прошрое и будущее. И любовь, которая связывала их всех — через поколения, через века, через всё.

Глава 2. Максим

Тверская область, усадьба Знаменское-Раёк, общежитие для студентов
Вечер того же дня

Максим сидел на подоконнике в своей комнате и смотрел на закат. Общежитие Академии размещалось в отреставрированном флигеле усадьбы — старые стены помнили ещё крепостных, но внутри всё было современным: удобные комнаты, душевые, общий зал с проектором и кофемашиной. Студенты шутили, что живут в «пятизвёздочных руинах», и это было недалеко от истины.

Но сегодня Максиму было не до шуток. Он держал в руках старую фотографию — единственное, что осталось у него от родителей. Отец и мать, молодые, счастливые, стоят на фоне какой-то стройки. Отец был инженером-строителем, мать — архитектором. Они погибли в автокатастрофе, когда Максиму было десять. Машина, гололёд, фура на встречной полосе. Классическая история, каких сотни.

Он не любил вспоминать. Не любил рассказывать. В детском доме, куда его определили после гибели родителей, он быстро научился прятать эмоции — за шутками, за учёбой, за работой. Никто не должен был знать, что внутри у него — пустота, которую не заполнить ничем. А потом появилась Академия Хранителей. Грант для одарённых детей. И — Андреа.

Андреа. Он помнил их первую встречу — три года назад, на вступительном экзамене. Она сидела в первом ряду, уверенная, сосредоточенная, с этой своей вечной косой, перекинутой через плечо, и отвечала на вопросы профессора Тихомирова так, будто знала ответы ещё до того, как их задали. Максим тогда подумал: «Вот человек, у которого есть всё. Семья, история, будущее». И — странное дело — он не почувствовал зависти. Только восхищение.

Они подружились не сразу. Андреа поначалу держалась отстранённо — не из высокомерия, а из привычки. В её семье все были сильными, самостоятельными, и она выросла с ощущением, что должна соответствовать. Но постепенно, через совместные проекты, через экспедиции, через долгие разговоры в архиве, они стали ближе. Максим помнил день, когда она впервые рассказала ему о своём прапрадеде Андрее Ларине — о том, как он нашёл первый тайник и погиб. Она говорила спокойно, но Максим видел: за этим спокойствием — боль, которую она несёт с детства.

— Ты не один, — сказал он ей тогда. — У тебя есть семья.

— У тебя тоже, — ответила она. — Мы — твоя семья.

И это было правдой. За три года в Академии Максим впервые почувствовал, что у него есть дом. Не стены — люди. Марьяна, которая относилась к нему почти как к сыну. Дмитрий, который учил его работать с инструментами. Вера, которая давала советы по проектам. Даже старый Ковалёв, который однажды сказал ему: «Ты — Хранитель. Не по крови, но по духу. Это важнее».

В дверь постучали.

— Открыто.

Вошла Андреа. Она была в простой футболке и джинсах, с неизменной косой, и в руках держала две чашки чая.

— Ты не пришёл на ужин, — сказала она. — Я принесла тебе чай. И бутерброд. Елена Павловна передала — сказала, что ты слишком худой.

Максим улыбнулся. Елена Павловна, которой было уже за семьдесят, всё ещё заботилась обо всех, кто попадал в её поле зрения. Студенты Академии были для неё такими же внуками, как и все остальные.

— Спасибо. — Он взял чашку. — Садись.

Она села на стул напротив.

— Ты какой-то грустный. Что случилось?

— Ничего. Просто вспоминал родителей. — Он кивнул на фотографию. — Сегодня нашёл подземный ход, а они... они бы порадовались. Отец всегда мечтал найти что-то такое. Он был инженером. Говорил: «Под каждым старым зданием — тайна».

— Он был прав.

— Да. Но он не успел её найти.

Андреа помолчала. Потом сказала:

— Мой прапрадед тоже не успел. Но его дело продолжили. Ты продолжаешь дело своих родителей. Ты стал реставратором. Ты нашёл этот ход. Они бы гордились.

— Думаешь?

— Уверена.

Максим отпил чай. В комнате было тихо, только за окнами шумел ветер в кронах старых лип. Где-то вдалеке слышались голоса студентов — они сидели в общем зале и, судя по звукам, играли в настольные игры.

— Знаешь, — сказал Максим, — когда я только поступил в Академию, я думал, что никогда не смогу стать частью этого мира. Все вы — Воронцовы, Громы, Ларины — такие... великие. А я — никто. Сирота из детдома.

— Ты — не никто, — резко перебила Андреа. — Ты — Максим. Ты лучший студент на курсе. Ты нашёл этот ход. Ты — часть семьи.

— Ты правда так думаешь?

— Я не думаю. Я знаю.

Он посмотрел на неё. Она сидела напротив, такая уверенная, такая красивая, и в её серых глазах — тех самых, что достались ей от отца, — горел огонь.

— Андреа, — сказал он. — Я хочу тебе кое-что сказать.

— Что?

— Я... — Он запнулся. — Я давно хотел. Но не знал, как. В общем...

Она ждала.

— Ты мне нравишься, — выпалил он. — Не как коллега. Не как друг. Как женщина.

В комнате повисла тишина. Максим мысленно проклял себя за косноязычие. «Ну вот, — подумал он. — Сейчас она встанет и уйдёт. Или вежливо скажет "давай останемся друзьями"».

Но Андреа не встала и не ушла. Она смотрела на него, и в её глазах было что-то, чего он не ожидал. Удивление. И — радость.

— Ты тоже мне нравишься, — сказала она тихо. — Давно. Просто я не знала, как сказать.

— Правда?

— Правда. Я — Ларина. Мы не умеем говорить о чувствах. Но я учусь.

Максим встал, подошёл к ней и взял за руку.

— Я тоже учусь. Может, будем учиться вместе?

— Вместе, — согласилась она.

Он наклонился и поцеловал её — осторожно, неуверенно, как будто боялся, что она исчезнет. Но она не исчезла. Она ответила на поцелуй, и в этот момент Максим понял, что пустота внутри него — та самая, что была с десяти лет, — начала заполняться. Не сразу. Но начала.

За окнами шумел ветер. Где-то в общем зале студенты смеялись и хлопали дверями. Где-то в главном корпусе усадьбы Марьяна и Дмитрий обсуждали планы на завтра. А здесь, в маленькой комнате старого флигеля, двое молодых людей держались за руки и молчали. Потому что слова были не нужны.

На следующее утро

Усадьба Знаменское-Раёк, столовая

Утром вся команда собралась в столовой — просторном зале с высокими окнами, выходящими в парк. Завтрак в Академии был традицией: все, от студентов до преподавателей, ели вместе. Марьяна сидела во главе стола, как когда-то её мать и бабушка сидели в особняке на

Пречистенке. Дмитрий — рядом, как всегда. Андреа и Максим — чуть поодаль. Они старались не смотреть друг на друга слишком часто, но Марьяна, конечно, заметила. Она вообще замечала всё.

— Доброе утро, — сказала она, поднимая чашку чая. — Как спалось?

— Хорошо, — ответила Андреа, и её щёки чуть порозовели.

— Отлично, — сказал Максим, и его голос прозвучал слишком бодро.

Марьяна переглянулась с Дмитрием. Тот едва заметно улыбнулся и покачал головой: «Не сейчас». Она поняла.

— Сегодня у нас много работы, — сказала она. — Нужно разобрать документы из ларца. Я хочу, чтобы Андреа и Максим взяли это на себя. Вы — лучшие выпускники, вам и карты в руки.

— Сделаем, — ответила Андреа.

— И ещё, — Марьяна помолчала. — Я говорила с Верой. Она хочет приехать на следующей неделе. Посмотреть на находку. И обсудить планы по расширению Академии. У нас есть предложение от итальянского университета — они хотят открыть филиал во Флоренции.

— Флоренция? — оживился Максим. — Это же центр ренессансной архитектуры!

— Именно. Им нужны специалисты по фрескам. Я подумала, что вы двое могли бы туда поехать. На стажировку. На полгода.

Андреа и Максим переглянулись.

— Мы? — спросила Андреа.

— Вы. Если, конечно, хотите.

— Я хочу, — сказал Максим. — Очень хочу.

— Я тоже, — добавила Андреа. — Спасибо, мам.

— Не за что. Это не благотворительность. Это инвестиция. В будущее.

После завтрака Андреа и Максим отправились в архивную комнату — разбирать документы. Они работали молча, но это было другое молчание — не неловкое, а уютное. Как будто всё встало на свои места.

— Флоренция, — сказал Максим, разбирая свиток. — Ты представляешь? Мы будем работать в городе, где творили Брунеллески и Микеланджело.

— Представляю. — Андреа улыбнулась. — Мама всегда говорила: «Мир больше, чем Москва. Братство — глобальная сеть». Теперь мы увидим это своими глазами.

— Вместе.

— Вместе.

Он взял её за руку. И в этот момент в архивную комнату вошла Марьяна. Она увидела их — держащихся за руки, счастливых, — и остановилась на пороге.

— Я так и знала, — сказала она.

Андреа покраснела. Максим вскочил.

— Марьяна Андреевна, я...

— Сиди. — Марьяна улыбнулась. — Я не для того пришла, чтобы вас ругать. Я пришла за летописью. Тихомиров звонил — он хочет её увидеть.

— Мы как раз её разбираем, — сказала Андреа.

— Хорошо. Тогда я вам не мешаю. — Она взяла летопись и направилась к двери. У порога обернулась. — И, Максим... если ты обидишь мою дочь, я тебя в подземелье запру. Найду самый глубокий тайник.

— Я не обижу, — сказал он. — Обещаю.

— Надеюсь.

Она вышла. Андреа и Максим переглянулись и рассмеялись.

— Она серьёзно? — спросил Максим.

— Абсолютно. Ты не знаешь мою маму. Она найдёт тайник. И запрет. И карту потеряет.

— Я запомню.

Они снова взялись за работу. За окнами светило солнце. В парке пели птицы. Где-то вдалеке рабочие стучали молотками — реставрация продолжалась. А в архивной комнате, среди старых свитков и карт, двое молодых людей строили планы на будущее. И это будущее было прекрасным.

Глава 3. Летопись

Тверская область, усадьба Знаменское-Раёк, архивная комната

Тот же день, полдень

Летопись тверского отделения Братства лежала на столе, и все смотрели на неё так, будто она была живым существом. Толстый кожаный переплёт, потускневший от времени, золотой обрез, герб с тремя символами — корабль, лев и лилия. Страницы, пожелтевшие, но удивительно хорошо сохранившиеся, были исписаны мелким, убористым почерком. Книга насчитывала около пятисот страниц, и каждая из них была заполнена записями. Имена, даты, события. Два столетия истории, запечатлённые на бумаге.

Профессор Тихомиров, вызванный Верой специально для этой находки, сидел над книгой уже третий час. Ему было восемьдесят четыре, он давно вышел на пенсию, но такие находки заставляли его забывать о возрасте. Седой, сгорбленный, с лупой в руке и чашкой остывшего чая рядом, он напоминал алхимика, склонившегося над древним манускриптом. Время от времени он что-то бормотал себе под нос, делал пометки в блокноте, сравнивал почерки, даты, имена.

В комнате, кроме него, были Марьяна, Андреа, Максим, Дмитрий и Вера, которая специально приехала из Москвы, отложив все дела. Вера стояла у окна, скрестив руки на груди, и ждала вердикта профессора. Она была уже немолода — седина тронула её короткие тёмные волосы, но глаза остались такими же цепкими, как в молодости.

— Это крупнейшая находка за последние двадцать лет, — произнёс наконец Тихомиров, откладывая лупу. — Даже крупнее, чем норвежский архив. Там были списки членов Братства по всему миру, но здесь — хроника. Подробная, год за годом. С 1798 по 1919. Каждое событие, каждый новый член, каждый тайник.

— Что ещё там есть? — спросила Вера.

— Схемы подземных ходов. Не только в Тверской области — по всей России. Я насчитал больше тридцати точек. Некоторые из них нам известны, но большинство — нет. — Он развернул одну из вкладок — большой лист бумаги, испещрённый линиями и пометками. — Вот, например, схема хода в Костроме. Или здесь — в Нижнем Новгороде. Эти города мы ещё не исследовали.

— Значит, у нас есть карта новых экспедиций, — сказала Марьяна. — Это работа на годы вперёд.

— И это ещё не всё. — Тихомиров перевернул несколько страниц. — Здесь есть записи о контактах с зарубежными отделениями Братства. Германия, Франция, Италия. И... — он помедлил, — Китай.

— Китай? — переспросила Андреа. — Братство добралось до Китая?

— Судя по записям, тверское отделение отправляло миссию в Пекин в 1850-х годах. Они везли книги, иконы, какие-то документы. Зачем — пока не ясно. Но это означает, что следы Братства могут быть и там.

В комнате повисла тишина. Каждый осмысливал услышанное. Китай — это было нечто совершенно новое. До сих пор они работали в России и Европе, но Азия оставалась неизведанной территорией.

— Мы должны проверить, — сказала Марьяна. — Не сейчас. Но когда-нибудь.

— Я включу это в план Академии, — кивнула Вера. — Китайское направление. Нужны будут специалисты по восточной архитектуре, переводчики, историки. Это долгосрочный проект.

— Как и всё, что мы делаем, — заметил Дмитрий. — Мы никогда не выбирали лёгкие пути.

Тихомиров снова склонился над книгой и вдруг замер.

— Здесь есть кое-что ещё, — сказал он, и в его голосе прозвучала странная нотка — смесь удивления и тревоги. — Запись, сделанная позже остальных. Примерно 1998 год. Почерк другой — более современный.

Марьяна подошла ближе.

— 1998 год? Это год гибели моего отца.

— Да. И запись эта... — Тихомиров поправил очки и прочитал вслух:

«15 октября 1998 года. Я, Андрей Ларин, член тверского отделения Братства, оставляю эту запись. Я нашёл доказательства того, что Совет Трёх саботирует работу Братства изнутри. Они уничтожают архивы, запугивают членов, устраняют несогласных. Я пытался сообщить об этом руководству, но меня не слушают. Если со мной что-то случится — пусть те, кто придёт после, знают: Совет Трёх предал Братство. Ищите правду в Москве, в особняке Куракиных. Там я оставил ключ. А.Л.»

Марьяна закрыла глаза. Отец. Снова он. Двадцать семь лет спустя его слова находят её. Она думала, что знает всё о его расследовании. Но он продолжал говорить с ней — через время, через архивы, через тайники.

— Это его почерк, — сказала она. — Я узнаю. Он был здесь. В этой комнате. За месяц до смерти.

— Он знал, что его убьют, — тихо сказал Дмитрий. — И всё равно продолжал.

— Он был Лариным, — ответила Марьяна. — Ларины не сдаются.

Андреа подошла к матери и взяла её за руку.

— Мы продолжим, мам. Как он хотел.

— Знаю. — Марьяна открыла глаза. — Именно поэтому мы здесь.

Вера, которая всё это время молча слушала, вдруг сказала:

— Мы должны опубликовать эту запись. В книге, которую готовит Вероника. И в музее, в Куракинских. Пусть все знают, кто такой Андрей Ларин.

— Он не любил публичности, — заметила Марьяна. — Но, думаю, сейчас — можно. Справедливость восторжествовала. Пусть его имя останется в истории.

Тихомиров бережно закрыл книгу.

— Я подготовлю копии всех документов для Академии. Оригинал, я полагаю, нужно передать в музей Братства?

— Да, — сказала Вера. — В Куракинские. Там, где всё началось.

— А копии — в тверской архив, — добавила Марьяна. — Пусть студенты работают. Пусть знают, кто был до них.

Вечер, комната отдыха в общежитии

Вечером Андреа и Максим сидели в общем зале общежития — уютном помещении с диванами, книжными полками и большим окном, выходящим в парк. Студенты разошлись по комнатам, и они были одни, если не считать портрета Андреа Ларина на стене — его повесили сюда в прошлом году, когда отмечали годовщину основания Академии. Андреа иногда разговаривала с ним — мысленно, конечно. Спрашивала совета. Рассказывала, как прошёл день. Глупо, наверное. Но ей помогало.

Максим разлил чай по кружкам — мята, как любила Андреа.

— Твоя мама сегодня была потрясена, — сказал он. — Когда нашла запись деда.

— Прапрадеда, — поправила Андреа. — Да. Она думала, что знает всё о его расследовании. А он снова её удивил.

— Он был удивительным человеком.

— Я его не знала. Но мама рассказывала. И тётя Лида — его сестра. И прабабушка Вероника написала о нём в книге. Иногда мне кажется, что я его знаю. Через эти рассказы. Через архивы. Через его записи.

— Ты на него похожа, — сказал Максим.

— Думаешь?

— Уверен. Та же настойчивость. Та же вера в правду.

Андреа взяла кружку и сделала глоток.

— Знаешь, когда я была маленькой, мама говорила мне: «Ты — Ларина. Это значит, что ты никогда не сдашься». Я не понимала тогда. А теперь понимаю.

— Ты не сдаёшься, — согласился Максим. — Ты самая упрямая женщина из всех, кого я знаю.

— Это комплимент?

— Это констатация факта.

Она улыбнулась.

— Ты тоже упрямый. Особенно когда споришь с Тихомировым о датировке кладки.

— Я просто знаю, что прав.

— Тихомиров знает больше.

— Тихомиров — гений. Но даже гении ошибаются.

Они рассмеялись. За окнами темнело. Парк погружался в сумерки, и где-то вдалеке зажглись фонари вдоль аллей.

— О чём ты думаешь? — спросила Андреа.

— О будущем. О Флоренции. О Китае. О том, что мы только начали. — Он помолчал. — И о тебе.

— Что обо мне?

— О том, что я хочу быть с тобой. Не только здесь, в усадьбе. Везде. Во Флоренции, в Китае, в Москве. Где угодно.

— Это предложение?

— Нет. — Он улыбнулся. — Предложение я сделаю позже. Когда мы вернёмся из Италии. С кольцом. На каком-нибудь тосканском холме, на закате.

— Ты уже всё спланировал.

— Я архитектор. Я планирую.

— Тогда жду. — Она взяла его за руку. — А пока — давай работать. У нас завтра много дел.

— Ты всегда думаешь о работе.

— Это семейное.

Он поцеловал её — легко, в висок. И они сидели в общем зале, держась за руки, и строили планы. Завтра их ждала летопись. Через месяц — Флоренция. Через год — Китай. А потом — целая жизнь, полная открытий, тайн и любви.

Неделю спустя
Особняк Воронцовых, библиотека

Семейный совет собрался в Москве — в той самой библиотеке, где тридцать лет назад начиналась эта история. Здесь всё было по-прежнему: зелёная лампа на столе, портреты предков на стенах, старый глобус у лестницы. Только люди изменились. Стали старше. Мудрее. И больше — семья разрослась, и теперь в библиотеке с трудом помещались все.

Вера разложила на столе копии документов из тверской летописи.

— Мы получили подтверждение из Италии, — начала она. — Университет Флоренции готов принять наших студентов на стажировку. Первая группа — десять человек — вылетает в сентябре. Андреа и Максим — в их числе. Они будут заниматься фресками эпохи Возрождения и параллельно искать следы Братства в итальянских архивах.

— Это большая честь, — заметила Алиса. — Не каждый университет отправляет студентов в Италию.

— Наша Академия — не каждый университет, — ответила Вера. — Мы — Хранители. У нас свои стандарты.

— А что с Китаем? — спросил Кирилл.

— Это долгосрочный проект. Нужны переводчики, специалисты по восточной архитектуре, контакты с китайскими университетами. Я думаю, мы начнём с обмена студентами — как с Италией. А через пару лет, возможно, снарядим экспедицию.

— Ты всегда думаешь на два шага вперёд, — заметил Матвей.

— Это семейное. — Вера улыбнулась. — Мой дед учил меня: «Стройка — это не наказание. Это дар. Потому что каждый день ты видишь, как из ничего рождается что-то». Я просто продолжаю строить.

Марьяна, сидевшая рядом с Дмитрием, вдруг сказала:

— Я хочу предложить кое-что. Мы нашли запись моего отца в летописи. И мы нашли саму летопись — крупнейший документ Братства за всю историю. Я думаю, мы должны опубликовать её. Отдельной книгой. С комментариями, с картами, с иллюстрациями. Чтобы каждый студент Академии мог её прочитать. Чтобы каждый, кто захочет узнать историю Хранителей, мог это сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.